

В ту пору, когда мы с Хаджикано вместе возвращались домой со школы, у неё в прихожей плавали золотые рыбки. Это были маленькие вальговки, которых она выиграла в конкурсе на вылавливание рыбок. Аквариум у них был размером с небольшой арбуз, а вода в нём казалась нежно-голубоватой, и из-за этого зелёный цвет водорослей и рыжие золотые рыбки лучше сочетались друг с другом. Тогда мне было непозволительно входить в дом Хаджикано, но я с поразительной ясностью помню контраст этих трёх цветов. Может, когда Хаджикано открывала дверь, я стеснялся смотреть ей в глаза, и поэтому мой взгляд всегда устремлялся к аквариуму за её спиной. К зиме их количество сократилось до одной рыбки. Как и последняя из погибших, она (или он) умерла как раз через год после моего первого посещения дома Хаджикано. Думаю, для золотой рыбки, выигранной в конкурсе, это вполне неплохой срок. Должно быть, Хаджикано хорошо о ней заботилась. Родители Хаджикано зачем-то оставили пустой аквариум стоять там. И правда, даже без рыбок он был по-своему прекрасен: свет из окна, проходящий сквозь него, проецировал голубую тень, а в воде медленно покачивался роголистник. Но понимание того, что когда-то там плавали золотые рыбки, при виде аквариума без их красных пятен вгоняло меня в меланхолию. С тех пор всегда, когда я встречал что-то опустевшее или одинокое, это сравнение приходило на ум. «Прямо как аквариум без рыбок».

□

Следующим утром я поехал на автобусе до остановки у Центральной больницы Минагисы. Я немного подумал и решил не покупать цветы. Судя по опыту, нет подарка, вызывающего мысль: «Ну что мне с этим делать?» – чаще, чем цветы. Автобус наполнился пожилыми людьми, и только я в нём был юн. Мне показалось странным, что в автобусе, идущему к больнице, нет пассажиров с явными проблемами со здоровьем. Но сомнительно, что они все такие же посетители, как и я. В книге, которую я однажды прочёл, была сцена, когда одного старичка спросили: «Как вы себя чувствуете?» – и он шутливо ответил: «Если бы мне стало чуть лучше, то я, наверное, вызвал бы врача». Может, с ними что-то похожее. Люди, едущие в этом автобусе, были ещё достаточно выносливы, чтобы добраться до больницы самостоятельно. Оказавшись в больнице, я направился не сразу к регистратуре, а в курилку на окраине парковки. Она представляла собой каркасное строение со стеклянной раздвижной дверью, которое, по-видимому, долго тут стояло, потому что потолок в нём пожелтел, напивавшись никотином. Проверив, что там нет никого кроме меня, я выкурил две сигареты, а потом медленно обошёл больницу по периметру, чтобы успокоиться. Получив же на входе пропуск посетителя, я глубоко вдохнул и поднялся на лифте. Когда я зашёл в палату к Хаджикано, она сидела, склонившись над кроватью, и перебирала сумку. Сегодня на ней был не больничный халат, а льняная блузка со светло-сиреневой юбкой. «Хаджикано», – окликнул её я, и она мгновенно повернулась. «Хинохара», – её глаза блеснули, когда она поднялась. Да, я не смел забывать. Здесь я Юуя Хинохара. «Так ты снова пришёл». Хаджикано склонила голову. Невозможно было вообразить, что она так отреагирует, не потеряй она память. Как будто она только-только меня узнала. «Ага. Как ты себя чувствуешь?» «Считай, что здоровой, – она присела на кровать и улыбнулась мне. – Хорошо, что ты зашёл утром. Приди ты днём, мы, возможно, разминулись бы». «Разминулись? Тебя уже выпускают?» «Да. Сегодня утром мне разрешили уехать». Странно, подумалось мне. Однажды мне довелось прочесть сборник записок от людей, которые совершали попытки самоубийства, и, судя по ним, тех, чей суицид не удался, держали в изоляторе недели и месяцы под видом реабилитации. Тех, кто наиболее вероятно попытался бы ещё раз, надолго ещё ограничивали.

Судя по тому, насколько щадящей была терапия, я предположил, что падение Хаджикано в море было выставлено несчастным случаем, произошедшим по невнимательности. В конце концов, сейчас она чрезвычайно спокойна, и, может, было решено, что лучше будет назвать это несчастным случаем, чем выходкой шестнадцатилетней неудавшейся суицидницы. Или они

действительно подумали, что это был несчастный случай? Хаджикано взглянула на часы: «Отец заберёт меня где-то через час. Ты не против того, чтобы поехать со мной домой?» Я не особо горел энтузиазмом встречаться с её отцом, но, не желая отвергать её жест доброй воли, кивнул: «Спасибо. Я не против». Я взял прислонённый к стене складной стул, поставил его рядом с кроватью и сел. Хаджикано хлопнула в ладоши, будто вспомнив о чём-то, открыла холодильник, достала два стаканчика мидзуёкана (1) и протянула один мне. Я поблагодарил её. Выкидывая опустевший стаканчик с пластиковой ложкой, Хаджикано вдруг вздохнула: «После того, как ты вчера ушёл, Хинохара, я продолжила читать свой дневник. Видимо, кроме тебя я также была в дружеских отношениях с Чигусой Огиэ и моим одноклассником с начальной школы, Ёсукэ Фукамачи». «Да, верно», – кивнул я, пряча внутреннее смятение. «Мы еженочно собирались вчетвером, чтобы наблюдать за звёздами, так?» «Да. Сперва только ты этим занималась, но однажды к тебе присоединился Фукамачи. А потом я и Огиэ». «Должно быть, мы достаточно сблизились, встречаясь каждую ночь». «Ну, не сказать, чтобы мы идеально сошлись. Но тогда царила вполне дружелюбная атмосфера». «Скажи, Хинохара, – она посмотрела мне в глаза, – почему приходишь только ты, а остальные двое вообще не связываются со мной? Неужели я исчерпала всё терпение Огиэ и Фукамачи?» Я ожидал услышать её вопрос об оставшихся двоих, когда узнал вчера про её дневник. Как только она прочитает заметки последних нескольких недель, естественно, что она засомневается, почему остальные из нашей компании не показываются и не связываются с ней. Поэтому я заранее приготовил ответ на этот вопрос. «Ты слишком много на себя сваливаешь, – улыбнулся я, успокаивая её. – Во-первых, у Фукамачи, видимо, своё видение ситуации. Я спрашивал его насчёт похода к тебе, но он сказал, что лучше будет пока оставить тебя в покое. По правде говоря, я думаю, что он хотел отговорить и меня. Он очень осторожничает... волнуется как-то по-странному. А Огиэ – что меня тоже удивило – уезжает в сентябре в Канаду как иностранный студент по обмену. Говорят, она очень этого хотела. Если подумать, в английском она разбиралась лучше, чем в других предметах. Может, она не хотела говорить никому об этом до отъезда, потому что не хотела надоедать».

Хаджикано задумчиво опустила взгляд, и после двух вздохов в тишине прикрыла глаза и улыбнулась. «Ты такой добрый, Хинохара». «Что ты имеешь в виду?» – притворился я дурачком. «Именно то, что сказала». Кажется, Хаджикано решила не торопить меня с оправданиями. «Должна сказать, это достаточно неожиданно. Читая дневник, я представляла тебя более нечутким и грубым... но когда я разговариваю теперь с тобой, у меня не возникает этого чувства». «Я сдерживаюсь, пока мы в больнице». «Так полагаю, ты заботаешься о том, чтобы не травмировать меня?» Как бы Хинохара на это ответил? Мысли закружились в голове. И я ответил вот так: «Ага, именно. Не хочу, чтобы ты снова попыталась себя убить». Выражение лица Хаджикано слегка посветлело. «Это помогает тебе честнее относиться ко мне». Она погладила место рядом с собой: «Давай сюда, пожалуйста». Я сел к ней, как она и сказала. Из-за поручней по сторонам рассестись было негде, поэтому наши плечи соприкасались друг с другом. Вблизи становилось очевидней обычного, насколько отличаются наши тела. Это различие поражало: меня будто строго вычертили карандашом, а её – чертёжным пером по кривой линейке. Такой же контраст был и в степени детализации: её кожа была настолько белой, словно её забыли раскрасить, а моя за последний месяц слегка подзагорела. «Эй, Хинохара, прошу, расскажи мне, – Хаджикано положила руки на бёдра, слегка подавшись вперёд, и заглянула мне в лицо, – обо всём, что я забыла. В моём дневнике так много написано». «Не нужно спешить, – предостерег я её. – Сейчас ты можешь сосредоточиться на том, чтобы отдохнуть телом и душой. Никто тебя не торопит – ты можешь вспоминать постепенно». «Но я же не могу продолжать утруждать тебя. И ещё...» «Ещё?» Хаджикано безмолвно поднялась, сложила руки на подоконник и посмотрела в небо. «Ты можешь накричать на меня за то, что я скажу, Хинохара, – она обернулась и улыбнулась так, чтобы подчеркнуть, что это была шутка. – Если вернувшиеся воспоминания снова подвигнут меня на попытку суицида, я верю, что в этот раз точно не

провалюсь. Думаю, это станет своеобразной развязкой. Моё беспокойство испарится, и я никем больше не буду помыкать». Не раздумывая, я встал и схватил Хаджикано за плечо. Она очень перепугалась и вся сжалась, но, полагая, я был удивлён не меньше. Мои мысли не согласовались с действиями. Эй, что я тут пытаюсь сделать? Но моё тело дёрнулось прежде, чем я смог о чём-либо подумать. Как только мои руки обвили вокруг её спины, я наконец понял ошибку, которую совершаю, но было уже поздно. Мгновением позже я уже обнимал Хаджикано. Существует ли ещё более малодушный поступок? Обнимать девушку, которую я продолжал безответно желать, прикрываясь чужим именем – да это же полнейшее насилие над правилами. И никакие извинения не отсрочат неизбежное. Как только её память вернётся, она по праву начнёт меня презирать. Но, подумал я в то же время, что ещё я могу сейчас придумать? Десять дней осталось. Всего через десять дней я покину этот мир. Неужели мне не простят эту ложь? Разве можно меня корить за ту толику хоть сколько-нибудь счастливых воспоминаний в самом конце? «Х-хинохара?» Хаджикано произнесла моё имя – нет, его имя, – как бы спрашивая о потаённом смысле моих действий. Она напряглась в смущении, но до сих пор не оттринула меня. Я успокаивающе погладил её по спине, но это возымело противоположный эффект. Мои руки стремились к её теплу и обнимали её тело только крепче.

«Ты не должна ничего вспоминать, – шепнул я ей на ухо. – Когда кто-то что-то забывает, значит, это должно было быть забыто. Поэтому не нужно заставлять себя вспоминать».

«...Правда?» «Да». Она задумалась, всё так же уткнувшись лицом в мою грудь.

«Но... Мне тревожно. Я чувствую, что забыла нечто чрезвычайно значимое». Я покачал головой: «Обыкновенная иллюзия. Даже когда теряешь какой-то мусор, начинаешь беспокоиться. А что если ты выбросила что-то невероятно ценное? Но даже перерыв корзину, чтобы вернуть это, в конце концов ты не найдёшь ничего кроме мусора». Хаджикано изогнулась, словно от боли, и я обнаружил, что сжимаю её сильнее, чем мне казалось, поэтому я немедленно ослабил хватку. «Да, ну и силища, конечно», – выдавила она, когда напряжение оставило её тело. «Прости, – извинился я, а затем продолжил. – ...Рано или поздно люди многое забывают. Только маленькая горстка может запомнить каждую мелочь. Но никто не жалуется. Как думаешь, почему? Потому что в конце концов воспоминания – это не более чем трофеи или сувениры, и каждый в глубине души понимает, что важнее всего настоящее, вот этот самый момент». Я медленно выпустил Хаджикано из рук, и она, ошеломлённая, отступила назад и повалилась на кровать. Она умиротворённо смотрела на меня. Спустя несколько секунд она пришла в чувство и, видимо, заволновавшись, как бы никто этого не увидел, стала беспокойно оглядываться. Видеть её такой растерянной было для меня в новинку, и я не мог сделать ничего, кроме как хихикнуть. «Эй, Хаджикано. Летние каникулы ещё не кончились. И это лето не такое, как остальные. Это лето, когда нам по шестнадцать. Так не думаешь ли ты, что вместо того, чтобы волноваться о потерянных воспоминаниях, мудрее было бы просто наслаждаться?» Она устала сидеть на своих коленях, обдумывая то, что я сказал. И наконец заговорила: «...Да, может, ты и прав. Но даже если ты говоришь наслаждаться моментом, я не знаю, что именно мне делать». Я тут же ответил: «Я помогу. То есть, позволь мне помочь». Хаджикано мигнула, удивлённая скоростью моего ответа. «Может быть, этот вопрос прозвучит наивно, – начала она, возясь с волосами, – но почему ты так далеко заходишь ради меня?» «Я могу тебе сказать, но ты, возможно, пожалеешь о том, что спросила». «Мне всё равно. Пожалуйста, скажи мне».

«Всё просто. Ты мне нравишься, Хаджикано. Не как друг, а как девушка. Поэтому я хочу помочь тебе хоть немного. И полон надежд, что это вернётся мне симпатией». Боже, я вообще понимал, что я творю? Я поражал сам себя. Разговариваю с девушкой, потерявшей память, под именем друга, смущаю её, открываю душу в том, в чём я прежде не мог ей признаться. Я не отличаюсь от парня, который, ухаживая за девушкой, злоупотребляет своим социальным статусом и напаивает её, чтобы понизить её осмотрительность. «Погоди, дай мне минутку, – лицо Хаджикано приняло сложное выражение, которое могло расцениваться и как злоба, и как подступающие к горлу слёзы, и она выглядела крайне озадаченной. – То есть...

Эм, в моём дневнике написано, что ты был, видимо, увлечён Огиэ». «Тот, кто писал этот дневник, может, так и думал. Но это не есть правда. Со дня нашей встречи я увлёкся тобой».

Хаджикано открыла рот, чтобы что-то сказать, но, как мне показалось, все её слова рассыпались на кусочки прежде, чем достигли глотки. Я ждал, пока она соберёт их, но потерянных фраз было не вернуть. Она стала складывать новые слова. И, придя к определённому убеждению, она сощурилась и подняла голову. Она упёрлась руками в кровать, встала и рухнула на меня. Я немедленно поймал её худенькое тельце, осторожно ухватив его.

«Я перестану пытаться вспомнить, – произнесла Хаджикано слегка плывущим голосом. – В конце концов, воспоминания лучше, чем это, уже не будет». Я погладил её по голове, словно маленького ребёнка: «Я хочу как лучше». Хаджикано продолжила повторять: «Хинохара, Хинохара», – в мою грудь, чтобы удостовериться в моём существовании. Каждый раз, когда я слышал, как она произносит имя кого-то другого, у меня щемило сердце. Она высвободила от меня руки и вытерла ладонью слёзы, выступившие в уголках глаз. Ветер, ворвавшийся в окно, взметнул её волосы, и тотчас же вернулся стрёкот цикад, возобновивший ток времени. До тех пор я слышал лишь голос Хаджикано. «Хинохара, прошу, помоги мне, – сказала она, придерживая волосы одной рукой. – Сделай последние десять дней моего шестнадцатого лета чудесными». «Положись на меня». Она протянула мне свою правую руку, и я крепко сжал её. И не отпускал, пока её отец не пришёл её забрать.

□

На следующий день мне пришло письмо. Я вынул его из почтового ящика и перевернул конверт. Увидев имя отправителя, я сглотнул. Это было письмо от Чигусы Огиэ. Нет, оно пришло не из могилы. На нём была наклейка с датой отправления в уголке, да и почтовый штамп был поставлен восемь дней назад. 14-го августа, в день, когда Чигуса предложила мне оставить Хаджикано. Она отдала мне письмо о прошлом Хаджикано 15-го августа, но, кажется, оставила ещё одно. Так почему она, имея столько возможностей, не отдала мне его напрямую? Она думала, что умрёт прежде, чем сможет встретиться со мной и поговорить, и поэтому отправила это письмо на всякий случай? Но если так, почему оно пришло восемь днями позже? Желая узнать правду, я пошёл к себе в комнату, вскрыл конверт и вынул из него сложенное письмо. Та же бумага, те же чернила. Как и в том письме, что она отдала мне 15-го числа. Я сел на стул и пробежался по нему глазами. «Фукамачи, тебе, скорее всего, интересно, почему ты получил сейчас от меня письмо, – начиналось оно. Сказать правду, даже я полностью не знаю этого. Скажем, что причина такова: "Решив, что 15-го августа ты будешь сбит с толку попыткой самоубийства Хаджикано и моим исчезновением, я решила сделать промежуток в несколько дней, чтобы не путать тебя ещё сильнее". Но где-то в глубине себя я чувствую, что это письмо не должно достичь тебя, Фукамачи. Почему? Потому что здесь описан способ, как вам с Хаджикано выжить обоим». Я перечитал это предложение три раза, чтобы удостовериться, что не прочёл его неправильно. «Способ, как вам с Хаджикано выжить обоим». Это в самом деле там написано. Сдерживая своё нетерпение, я прикрыл глаза и глубоко вдохнул. «Однако, – продолжил я читать, – это, по существу, моя выдумка. У меня нет ни малейшего доказательства, и даже если мои прогнозы верны, не наберётся и целого процента того, что вы спасётесь. Поэтому, пожалуйста, не слишком возлагай на это надежды». Далее была пропущена строка. Я догадался, что тут начинается самый сок.

«До этого у меня было пять контактов с женщиной из телефона. Большинство были ночью, но единожды телефон зазвонил вечером. В 5 вечера 29-го июля. Я помню время, потому что как только я ответила на звонок, то услышала, как на том конце провода услышала звук вечерней песни (2). Он был столь чётким, словно она находилась очень близко к вещателю».

Теперь, когда к этому привлекли моё внимание, я понял, как мало значения придавал фоновым шумам, когда говорил по телефону с той женщиной. Но осознанно прошерстив свои воспоминания, я заключил, что чаще всего при наших беседах слышались завывания ветра.

«Перейду к сути. Эта женщина находится где-то в городе, – продолжалось письмо. – Звуки, что я слышала, точно были Русалочьей Песней. Не стоит упоминать, что этот вечерний сигнал используется только в Минагисе. И ещё кое-что. Прямо перед окончанием нашего звонка я услышала звук тормозящего поезда на той стороне провода. Было где-то 17:05. Как тебе известно, пути, проходящие через Минагису, являются однопутными и, следовательно, немногочисленны. Мест, где можно в это время услышать и песню, и поезд, очень мало». Я сглотнул. Бусинка пота упала с моего лба на письмо. «Теперь позволь мне предоставить подходящую теорию. "Когда эта женщина нам звонит, она всегда использует особенную телефонную кабинку". Конечно, мне трудно это доказать. Я просто каждый раз слышала те же шумы, поэтому, думаю, не так уж это и необычно. ...Но, ведомая надеждой, порождённой этим предположением, я сделала одно интересное открытие. В Минагисе существует только четыре таксофона, из которых в 5 часов вечера можно услышать вечернюю песню, а в 5:05 – тормозящий поезд». Но, подумал я. Что мне делать с этим знанием? «Возможно, из знания этого ничего не вытекает, – писала Чигуса. Предполагая, что по невероятному совпадению ты узнаешь, откуда звонит эта женщина, и объявишь об этом, когда она тебе позвонит, я не уверена, что она захочет заключить с тобой сделку. Более того, это может только вконец разозлить её. Или, вероятно, эта женщина из телефона – всего лишь умозрительная сущность без материальной формы, которую нельзя обнаружить на Земле. В любом случае, скорее всего, её поиски окончатся напрасно. Любые предпринимаемые усилия могут оказаться лишь тратой оставшегося у тебя времени. Но всё же, даже так, не очень ведь хочется встретить свой последний день, так ничего и не сделав? ...Безусловно, лучше всего будет выиграть пари честными способами. Но, принимая во внимание текущее состояние Хаджикано, это кажется вовсе нереальным. Я даже не могу быть уверена, что она будет жива к тому моменту, когда это письмо дойдёт до тебя (хотя, разумеется, даже если Хаджикано попытается себя убить, сгибаясь под тяжестью греха, скорее всего, эта женщина спасёт её, чтобы продлить ваше пари)». На следующем предложении Чигуса стала закругляться.

«Я многое хочу тебе сказать, Фукамачи, но, думаю, обсужу всё это с тобой лично. Странно это: в письменной форме к описанию подходят более тщательно, чем в устной, но все всё равно больше доверяют письмам. Может, тщательность в словах не главное. Ну что же, завтра – для тебя восемь дней назад – с нетерпением жду нашей встречи». Я четырежды перечитал письмо, сложил его и убрал обратно в конверт. Меня радовало то, что Чигуса даже в свои последние мгновения думала о моей безопасности. Но всё было как она и сказала: поиски этой женщины, скорее всего, окончатся напрасно. Если по какому-нибудь невероятному совпадению я найду её, я не смогу ничего ей сказать, уже будучи наказанным вчера за нарушение правил. Я не мог себе вообразить наших переговоров. И, что также отметила Чигуса, не гарантировано, что она является материальной сущностью. Как ни посмотри, выгода от того, что я использую последние десять дней, чтобы найти ту женщину и аннулировать пари, какая-то туманная. Я лучше потрачу его на Хаджикано, чем буду рисковать. Такая вот сделка: пан или пропал. Я сунул конверт в ящик стола и вышел из дома. И тогда я вспомнил кое о чём, что не удосужился спросить у женщины из телефона. Однажды она соединила линии, чтобы дать мне, находящемуся дома, и Хаджикано на станции Чакагава шанс поговорить, но для какой цели? Чтобы подарить мне маленькую надежду, а я потом погрузился в отчаяние? У меня не было объяснения этому. Что-то тут не так, думал я. Не знаю, как это выразить, но что-то явно не сходилось.

□

После тридцати минут на поезде, пересадки на автобус, десяти минут по старому шоссе и больше двадцати минут пешком по прибрежному жилому району с картой в руке я наконец добрался до дома бабушки Хаджикано. Он был двухэтажный и ужасно старый. На крыше можно было различить бесчисленное количество пустот в черепице, и, чем выше вы

поднимались взглядом по обшитым внакрой стенам, тем больше было облупившейся краски, а надтреснутое отполированное кухонное окно было заклеено скотчем. Над дорожкой, ведущей к парадному входу, образовался туннель из веток и листьев растущих рядом великовозрастных деревьев. Нырнув в него, желая добраться до двери, я ощутил неповторимое смешение ароматов солений, кипящей еды, жареной рыбы и ситника. Короче говоря, запах дома, где живут старики. Вчера, когда я уходил, Хаджикано дала мне некоторые указания. «Мне запрещено выходить наружу самостоятельно. Полагаю, мне будет сложновато с тобой встретиться, Хинохара. Так что извини, но не мог бы ты прийти ко мне сам?» Хаджикано какое-то время будет здесь отдыхать. Тут её ничего не будет беспокоить, она не будет переживать о встречах с людьми, которых знала, и возвращении воспоминаний. Также, как я услышал от Аи, Хаджикано прежде была очень привязана к своей бабушке по отцовской линии, которая жила здесь в одиночестве. Даже после того, как те непонятные четыре дня резко переменили её характер, она продолжала время от времени захаживать сюда. Наверное, её родители это учли и решили, что этот дом будет идеальным местом для отдыха. Бабушка Хаджикано не особенно пересекалась с глазу на глаз со своим сыном и его женой, но, казалось, была открыта своей внучке. Позвонив в дверной звонок, я услышал скрип половиц, и спустя некоторое время стеклянная раздвижная дверь открылась. За ней появилась тощая женщина лет 70-ти. Волосы у неё были сплошь седые, а кожа покрыта морщинами, но стояла старушка поразительно прямо. Левая и правая стороны её сморщенного лица выглядели по-разному: правый глаз оставался неподвижен, а левый апатично меня рассматривал. Её губы были плотно сжаты, и она создавала впечатление человека достаточно сообразительного для своего возраста. Вот такая была у Хаджикано бабушка. Я открыл было рот, чтобы объяснить, но она покачала головой. «Ая уже сказала мне. Входи». На этом бабушка Хаджикано повернулась ко мне спиной и вошла внутрь. Она хочет, чтобы я пошёл с ней? Я зашёл, вежливо прикрыл раздвижную дверь, снял обувь и последовал за ней. Каждый шаг по коридору отдавался скрипом фанерных половиц. Раздвинув двери в комнату в старом японском стиле, она вошла и присела за низкий столик. Увидев, что я стою рядом с дверью и ничего не делаю, она удивилась: «Ты чего? Садись». Я сел за столик, а затем спросил: «Где мисс Юи?» «Всё ещё в ванной. Должно быть, она вчера утомилась, потому что с того момента, как приехала, только спала». Видимо, о чём-то вспомнив, она встала и вышла из комнаты, оставив меня. Я огляделся. Сперва я увидел огромный алтарь. Он был украшен двумя маленькими арбузами и двумя пучками пшеничных колосьев, симметрично расположенных справа и слева. Неподалёку стояло плетёное кресло-качалка с полупрочитанной книгой на сиденье. На старинной полочке стояли две японские куклы в стеклянном футляре. На календаре, свисающем с косяка, всё ещё был май. Эта комната казалось обычной, но в то же время и нет, но не потому, что в ней часто убирались, а из-за того, что в ней мало "жили". Вскоре бабушка Хаджикано вернулась и налила мне стакан ячменного чая. Я поблагодарил её, отхлебнул и заговорил: «Могу я узнать ваше имя?» «Ёшиэ Хаджикано, – ответила она. – Разве на табличке не написано?» «Госпожа Ёшиэ, что вам сказала мисс Ая?» «Что моя глупая внучка бросилась в море и потеряла память. И поэтому теперь мне нужно о ней заботиться». «Ясно, – раз уж она столько знает, не думаю, что нужно ходить вокруг неё на цыпочках, подумал я и сказал, – кстати, а что вы обо мне думаете?» «Я слышала, что ты любопытный юноша, который любит попадать в неприятности, – её губы поднялись лишь на миллиметр. – Кажется, Ая очень тебя любит».

Это выражение, промелькнувшее у неё на лице, было вылитой улыбкой Аи. Ая точно переняла это у неё, подумал я. Я догадывался, что Ая не сказала Ёшиэ, что я Ёсукэ Фукамачи под личиной Юи Хинохары. Допустив подобную ложь, Ая избрала правильный путь. Будет удобней, если она не будет знать о том, что я использую фальшивое имя. Ёшиэ взяла со стола сигарету и прикурила её от спички. Знакомым движением она ей чиркнула и скинула в стеклянную пепельницу, глубоко вдохнула дым и медленно выдохнула. «Хочешь есть?» «Нет, всё нормально». После этого мы не перекинулись ни словечком, пока сигарета

Ёшиэ не догорела. Сквозь ширму я слышал звон колокольчиков. Прислушавшись, я отметил шипение бегущей из душа воды в другом конце коридора. Безусловно, эти звуки освежали, но на деле в комнате было изнуряющее жарко. Выжженный вентилятор у алтаря не производил никакого ощутимого эффекта, да и вообще любое проветривание в этом доме не представлялось возможным. Неловкое молчание продолжалось. Часы на стене были сломаны, посему я не знал точно, но, казалось, прошло как минимум минут двадцать. Словно в этой комнате было заточено старинное время, которое теперь начало растекаться, удаляя появление Хаджикано.

Тщательно затушив сигарету, Ёшиэ положила на стол локоть и упёрлась подбородком в ладонь. «Кто-то должен присматривать». «Присматривать?»

«За Юи, – уточнила она. – Допустим, вернутся её воспоминания. Если рядом никого не будет, она может продолжить то, что начала прежде». Я кивнул. «Но я не могу следить за ней 24 часа в сутки, и, уверена, она тоже этого не хочет. Никому из нас не нравится строгость. ...Поэтому как ты насчёт того, чтобы присматривать за Юи, пока я не могу?»

«Да, я к этому и стремился. Я могу приглядывать за ней в течение дня...» «Решено, – усмехнулась она так, словно только этого и ждала, – ты вернёшься домой и возьмёшь сменную одежду и туалетные принадлежности». Я наклонил голову, не догоняя. «Ээээ... О чём вы?»

«Ты же собираешься присматривать, разве нет? Хинохара, эх. С этого момента ты на меня работаешь. Оплата, конечно, будет по мелочи, но ты будешь получать вкусное трёхразовое питание. Только оставайся в доме до конца летних каникул и поглядывай, чтобы у неё не возникло никаких забавных мыслишек». «Вы серьёзно?» – импульсивно воскликнул я.

«Я тоже не очень-то хочу жить с двумя подростками под одной крышей. Но... Ая тебе доверяет». «Вы говорили об этом с Хаджикано?» «Скоро поговорю». Тотчас же пол в коридоре заскрипел, и раздвижная дверь открылась. Хаджикано стояла в футболке с широким вырезом и шортах, держа в одной руке банное полотенце. «Бабуль, там бойлер сломался. Из душа только холодная идёт...»

И тут она умолкла, посмотрела на моё лицо, пронзительно взвизгнула и отступила в коридор. «Х-хинохара? Ты уже здесь? – сказала она из-за двери. – Прости, ты не мог бы здесь немного побыть? Я скоро буду». «Наверное, я слишком рано пришёл. Мне подождать снаружи?» «Нет, жди здесь. Я правда быстро». Я услышал, как Хаджикано взбегает по лестнице.

Даже когда она ушла, сладковатый запах пены ещё медлил, прежде чем рассеяться. «Не беспокойтесь о деньгах, – произнёс я. – Это я вам должен платить за право находиться с ней. Когда она вернётся, я попрощаюсь и вернусь домой за вещами». «Так ты принимаешь работу?» «Да. Спасибо вам, госпожа Ёшиэ».

«Хммм». Она фыркнула и прикрыла глаза, точно так же, как это сделала бы Ая. Она точно связана с этими сёстрами кровными узами, снова признал я. Когда же Хаджикано вновь появилась двадцать минут спустя, на ней была уже не её домашняя одежда, а кружевная сорочка без рукавов. Волосы её до сих пор не высохли и оставались ещё слегка влажными.

«Прости за ожидание, – она села за стол и стала беспокойно поглядывать на меня и Ёшиэ. – О чём вы говорили?» Я вопросительно глянул на Ёшиэ, но она резко отвела глаза, как бы говоря: «Объясняй сам». Я немного подумал, а затем спросил: «Эй, Хаджикано, что если я скажу, что собираюсь тут остаться на некоторое время?»

«А?... – она замерла на пару секунд с отвисшей челюстью. – Что ты имеешь в виду?» Я засомневался насчёт того, что ответить. Я не мог сказать ей голую правду о том, что "меня попросили наблюдать за тем, чтобы ты себя не убила". Я снова посмотрел на Ёшиэ в поисках поддержки, и она неохотно согласилась на неё.

«Я его попросила. Мне нужна была помощь кое с чем вроде работы по дому и закупок. Поэтому решила нанять прислугу. Но, Юи, его присутствие не будет тебя беспокоить?» «Нет, но всё это так быстро...» – произнесла Хаджикано столь тихо, что я едва смог её разобрать.

«Ах, ты не хочешь? А выглядела так взволнованно перед его приходом». «Бабуля... – Хаджикано сцепила свои указательные пальцы. – Эм, ну, я совсем не против. Я просто думала, что это будет утруждать Хинохару...» «С этим решено», – довольно кивнула Ёшиэ.

Я повернулся к Хаджикано: «Мне нужно домой ненадолго за вещами. Вернусь часа через три, так что оставайся здесь». «Ладно, поняла. Я провожу тебя

до автобусной остановки». Хаджикано глянула на Ёшиэ, словно спрашивая разрешение.

«Идите оба», – и она махнула, словно выпроваживая нас. Как только мы вышли из дома, Хаджикано спросила меня: «Так о чём вы на самом деле говорили?» «Меня наняли, чтобы я приглядывал за тобой. Другими словами, я...» Пока я раздумывал, как это сформулировать, Хаджикано горько улыбнулась. «А, потому что я пыталась себя убить. Неудивительно». «Я благодарен, что ты так лаконично это выставила», – вздохнул я с облегчением. «Эй, Хинохара, – робко произнесла она, – если уж тебя наняли смотреть за мной, тогда не отводи от меня глаз». «Ладно. Если это не будет напрягать». «Конечно не будет. Это тебя утруждает, Хинохара?» «Уверен, что нет. Как бы там ни было, я рад, что есть оправдание быть с тобой, Хаджикано». Она вытянулась и взъерошила мне волосы. "Милая и искренняя". Было в этом что-то ностальгическое. Она бы так похлопала меня по голове в начальной школе. Даже если память она потеряла, у неё остались подобные привычки. Я разделился с Хаджикано на автобусной остановке и где-то за час добрался домой. Там никого не было, поэтому я оставил на обеденном столе записку: «Останусь дней на десять дома у друга». В средней школе время от времени я оставался у Хинохары, так что мои родители особо не будут задумываться. Я ломал голову над тем, брать ли с собой письма Чигусы, но я не мог быть уверен, что Хаджикано их случайно не прочтёт, поэтому решил их оставить. Собрав в сумку минимум одежды и других вещей, я быстро вышел из дома.

Обратно домой к Хаджикано я приехал в полдень. После того, как мы наелись охлаждённой китайской лапшой со всяким гарниром, Ёшиэ велела нам убрать дом. Она взялась за ваннные комнаты, в то время как я и Хаджикано вместе вымыли комнаты, кабинет, чулан, коридоры и лестницы. Я оделся в то, что мог без опаски замарать, и с тазами чистой и мыльной воды мы пошли драить окна. Вода в тазах быстро темнела, поэтому в каждой комнате её приходилось менять. Отмыв окна, мы взяли перьевые метёлки и отправились сметать пыль. Сгребя её веником и выкинув, мы протёрли тряпкой татами. Мусорный мешок переполнился пылью и грязью, и я норовил чихнуть, просто глядя на него. «Такое ощущение, словно тебя действительно наняли помогать», – улыбнулась Хаджикано, наблюдая за тем, как я на четвереньках тру настил. Хаджикано привыкла мыть эти допотопные комнаты, потому она научила меня, что нужно проводить метёлкой вдоль полосок татами и немного её перед этим смачивать. Я задался вопросом, почему она запомнила эти мелочи в уборке, хотя потеряла память, и спросил у неё об этом. Она приостановилась и задумалась. «Хмм... Вообще, я не знаю. Просто я не могу вспомнить большую часть всего нового, что узнала за последние пару лет, и как поступила в старшую школу... Поэтому, может, я забыла только несколько лет. Я не потеряла всю суть своих воспоминаний». «Что последнее ты можешь вспомнить?»

Хаджикано уставилась в пустоту и порылась в собственной памяти. «Я чётко помню всё до зимы первого года средней школы. С того момента до недавнего времени один большой провал. ...Уверена, когда-то тогда моя жизнь начала лететь под откос». Я удивлённо поднял на неё взгляд: «То есть сейчас ты где-то на стадии первогодки средней школы?» «Если быть точной, не совсем. Но ты можешь думать, как тебе нравится, Хинохара-сенпай», – хихикнула Хаджикано. Закончив с коридорами и лестницами, мы направились к крыльцу. Выметя грязь метлой, мы sprыснули бетон водой и оттерли щётками. Вода почернела за считанные секунды. Мы вернули инструменты в кладовку точно тогда же, когда Ёшиэ покончила со своими делами. Как только мы покончили с генеральной уборкой, Ёшиэ вручила нам бамбуковую корзину и отправила собирать овощи в огороде: пупырчатые колючие огурцы, помидоры, пахнущие травой, длинноусую кукурузу. После мы должны были их полить. Пока мы обливали из шланга все эти растения, чьих названий я не знал вовсе, над садом появилась бледная радуга, и Хаджикано радостно захлопала в ладоши. Наматывая шланг обратно на катушку, я слышал, как с листьев капает вода. На обед мы в изобилии получили много чего варёного. После него мы помогали помыть посуду, а Ёшиэ сидела у окна в кресле-качалке с раскрытой вечерней газетой. Мы с Хаджикано ждали следующих инструкций, и она сказала нам: «Остальной день занимайтесь, чем вам угодно. Идите куда хотите». Мы



переглянулись. «Пойдём на улицу?» – спросила Хаджикано. Я одобрил. Не имея особых планов, мы гуляли по городку, тонущему в закатных лучах. Хор вечерних цикад, которые дожили до конца лета, эхом раздавался из зарослей близ домов. Ещё не было и 5-ти, но закат уже окрашивал окрестности своим сиянием. Он был не огненно-красным, как в большом городе, а нежно-оранжевым, крадущим у мира его реалистичность. Бесцельное блуждание пробуждало во мне старые воспоминания. Купив в магазине газировку и присев на ближайшую скамейку, чтобы её выпить, я сделал кое-какое открытие. Обращаясь к минувшему, с того момента, как мы вышли из дома, до текущего – в промежутки около тридцати минут – Хаджикано ни разу не шла справа от меня. Не знаю, сознательно то было или нет, но она явно не хотела показывать мне половину лица, на которой было родимое пятно. Как только я это заметил, то стал находить всё больше примечательного. Разговаривая со мной, она пыталась не менять положения своего лица, изо всех сил стараясь сокрыть родинку из вида. Также, вытирая пот со лба, она всегда убирала чёлку влево и иногда без причины прикладывала левую руку к щеке. Почему же она столь чувствительна? Нет, не об этом я думал. Потому что раньше я сам всегда держался от Хаджикано справа. Потому что хотел, чтобы она запомнила меня хоть чуточку менее уродливым. Хаджикано раскупорила крышку рамунэ (3), достала оттуда стеклянный шарик и навела его, зажав между большим и указательным пальцами, на солнце. Я сделал так же и посмотрел в него – стёклышко искажало пейзаж, подобно маленькой линзе, превращая его в сплошное оранжевое море. «В последние дни солнце рано садится», – сказал я. «Август почти кончился, – Хаджикано, сидя на скамейке, болтала ногами. – Меньше чем через две недели мы этих цикад больше не услышим». Она встала, бросила свою бутылку в мусорку, а затем развернулась и улыбнулась мне. «Но хорошо, что дни становятся короче». «Любишь ночь, Хаджикано?» «Да. Она помогает мне забыть о моей родинке». «Лично мне она нравится». «Спасибо. Но, уверена, многим она неприятна», – она мягко приложила левую руку к своей щеке. «Не мне». Мы снова двинулись. Даже когда солнце зашло, жар ещё стелился по земле. В поисках прохлады мы зашли в ближайший супермаркет. Внутри было необычно темно и чересчур холодно из-за кондиционера. Полностью ознакомившись с ассортиментом, мы поднялись наверх и прошли через игровую на крышу с парковкой. Снаружи уже было темным-темно. Вокруг не было других высоких зданий, поэтому мы могли свободно разглядывать огоньки жилых домов, зажигающиеся внизу.

Время текло медленно. Мы сложили локти на облезающие потрескавшиеся ограждения и говорили ни о чём, вглядываясь в скромный ночной пейзаж. Стоя ночью на крыше, я не мог не вспомнить, как мы вчетвером собирались в заброшенной гостинице, чтобы понаблюдать за звёздами, но я старался не выдать свою боль и тоску. Хаджикано зубочисткой подносила ко рту вишнёвые конфетки, которые купила до этого. Кажется, она неправильно поняла мои мимолётные поглядывания и зацепила зубочисткой конфету. «Хочешь, Хинохара?» Прежде чем я вообще смог взять её у неё, она поднесла её к моим губам. Это действие показалось совершенно естественным, и я столь же естественно открыл рот. словно мы вернулись на четыре года назад, подумал я. Тогда она спокойно делала то, что тревожило мой ум. «Не пора бы нам вернуться?» Хаджикано достала последнюю конфету. Но, не удержавшись на протыкавшей её зубочистке, та упала за край и полетела вниз к земле, навстречу ночному ветру. Мы вернулись домой к Ёшиэ, но, так как бойлер в самом деле был сломан, мы неохотно взяли тазы и полотенца и пошли в местную баню. Мы заплатили престарелому управляющему 300 йен за каждого и, условившись встретиться через час, разделились. Но в бане было так жарко, что я вышел даже меньше, чем через 30 минут. Пока Хаджикано не вернулась, я сидел перед вентилятором и рассеянно пялился в телевизор. Шёл сюжет про ограбление, произошедшее полмесяца назад. У одного из преступников лицо всё было в пластырях, поэтому в новостях для удобства его прозвали "Человеком-мумией". Так полетному, пренебрежительно подумывал я. Мы встретились с Хаджикано на пять минут позже обещанного. Она купила фруктовое молоко, села рядом со мной и, ничего не говоря, устала в ящик. Закончив с коктейлем, она вернула бутылку в коробку у торгового

автомата. Затем, что-то задумав, встала позади меня и взъерошила мне волосы обеими руками. Я ответил тем же, и она рассмеялась, словно ей было щекотно. Мы возвращались домой по ночной прохладе; наши сандалии не спеша хлопали по земле. Дома мы вытащили из шкафа futоны и приготовили себе постели. Ёшиэ была в спальне на втором этаже, а Хаджикано и я спали на первом этаже в старояпонской комнате через ширму друг от друга. Пока Хаджикано склонилась, чтобы зажечь антикомариную спираль, Ёшиэ воспользовалась возможностью шепнуть мне: «Знаешь, в этом доме слышно каждый шорох. Так что даже не думай ни о чём весёленьком». Я пожал плечами: «Я это понимаю». Как только Ёшиэ задвинула перегородку и поднялась наверх, я лёг на futон и выключил свет. Тяжёлая работа меня вымотала, а запах чужого дома был непривычен, но решительнее всего мне не давало заснуть осознание того, что Хаджикано лежит в нескольких сантиметрах по ту сторону ширмы.

Я закрыл глаза и сосредоточился на монотонном жужжании насекомых, ожидая, когда придёт сонливость. Тогда я услышал, как Хаджикано тихонько зовёт меня сквозь перегородку.

«Хинохара, ты не спишь?» «Нет», – прошептал я в ответ. «Разве не напоминает школьную поездку?» «Хочешь покидаться подушками?» «У мальчиков возникают забавные идеи», – рассмеялась она. Видимо, она находилась очень близко к ширме. Будет худо, если наши голоса услышат наверху, поэтому я тоже прижался к ней и заговорил так тихо, как только мог. «Ну а какие же идеи возникают у девочек?» «Разве не очевидно? Девочки говорят о своих побочных увлечениях». «Побочных?» «Да, побочных. Потому что основное точно не должно ни с чьим пересекаться. Да и не хочется заявлять о готовности соперничать. Поэтому о своих серьёзных увлечениях никто не рассказывает. Но вторые по важности – даже если они пересекаются – не добавляют напряжения, верно? И значит, что мальчика, который должен был быть самым популярным в классе, не упоминают вовсе».

«Интересный образ мышления». «Это абсолютная правда. Я знаю кучу не по годам развитых девчонок, которые признавались мальчишкам прямо перед выпуском из начальной школы, и те совершенно отличались от "увлечений", о которых они говорили в поездке с классом». «Другими словами, когда вы открываетесь в школьной поездке, это по большей части просто пустые слова?» «Верно. Нет ничего хорошего в том, чтобы быть до идиотизма честной. Ну, по крайней мере, в младшей школе. Что до средней, то я не знаю, как прошла тогда моя поездка с классом». Я вдохнул и затем заговорил: «Ладно, а скажешь, как зовут твоё побочное увлечение, Хаджикано?» «Это секрет». «Это было в начальной школе. В чём смысл скрываться теперь?» «Нет, я просто не могу. В конце концов, мозгами я до сих пор в средней школе, – разочарованно произнесла она. А затем спросила, чтобы сменить тему, – Что насчёт мальчишек? Не говори мне, что вы кидаетесь друг в друга подушками целый час до сна?» «Они ни чем не отличаются. Все говорят о девчонках, в которых втрескались в первый же день. ...Конечно, в нашем случае, мы не называем имён девочек, которых держим про запас». «Вы честно признаётесь в своих предпочтениях?» – удивилась Хаджикано.

«Честность – не совсем правильное слово. Не знаю, все ли парни такие, но те, с которыми я был, всегда представляли это как-то так: "Так-то мне ни одна не нравится особо, но если нужно выбрать, то, может, она"». Естественно, меня в их кругу не было, и я одиноко прятался в futоне.

«Мальчишки такие милые», – сказала Хаджикано. «Ну, если сравнивать с тем, как это делают девочки, наверное, милые, да». Хаджикано прокашлялась, как бы привлекая моё внимание, и спросила меня: «Эй, Хинохара, тебя привлекает какая-нибудь девушка?»

«Не особенно, но если нужно выбрать, то, может, Хаджикано, – ответил я сквозь смех. – А тебя?» «Мне нравится Ёсукэ». На секунду у меня по спине пробежали мурашки от мысли, что она меня раскусила. Но, подумав об этом подольше, я понял, что такого быть не может. Сейчас самыми "близкими мальчишками" для Хаджикано были Юоя Хинохара и Ёсукэ Фукамачи, поэтому она просто назвала имя того, кто не являлся для неё первым и единственным, а был её "побочным увлечением". Да, пускай это было лишь бессмысленное заявление, случайно вытекшее из разговора, я не мог ничего поделать с радостью, которую ощутил при словах: «Мне нравится Ёсукэ», – сорвавшихся с губ Хаджикано. Они впечатались в

мою память. Не только их чувственность и мелодичность, но и мельчайшие детали интонации. Как и иллюзорное счастье, посетившее меня в тот миг. А потом я внезапно вспомнил про "наказание", о котором упоминала женщина из телефона. «Впредь тебе запрещается раскрывать свою настоящую личность перед Хаджикано», – так она сказала, больше ничего не объяснив. Но я мог донести до Хаджикано, что я Ёсукэ Фукамачи, множеством способов, не раскрывая себя напрямую. Будет ли использование таких способов также считаться нарушением правил? И вообще, в каком смысле она использовала слово "запрещается"? Значит ли это, что я просто буду наказан за это действие? Или же – как ведьма в Русалочке – она сделала так, что Хаджикано не сможет понять, кто перед ней в действительности? Я решил испробовать один такой "безличный" метод. Мои действия следующие. Я спрошу, держала ли она в начальной школе дома золотых рыбок. Как только она скажет мне да, я предположу, что одну из них звали Хинокко. Если она спросит, как я узнал, я скажу, что мне просто так показалось. Так я не раскрою себя сразу, но Хаджикано посчитает странным то, что я знаю имя её рыбки. Конечно, только это не докажет, что я Ёсукэ Фукамачи. Но это даст ей предпосылку задуматься над этим. И я начал притворять свой план в жизнь: «Эй, Хаджикано». «Что такое?» «В начальной школе ты случайно не...» Вдруг мою глотку пронзила острая боль. Как будто в неё засунули раскалённые щипцы. Слова застряли в горле, и я не мог даже кричать, а только скорчился от боли, обливаясь холодным потом. «Что случилось? – спросила Хаджикано через ширму. – Ты ударился?» Я хотел сказать, что я в порядке, чтобы успокоить её, но не мог ни пошевелиться, ни заговорить. Вздвигнувшись от отсутствием ответа, Хаджикано тихо отодвинула ширму и спросила: «Эй, что случилось?» Увидев, как я, скрючившись, хватаюсь за горло, она села у моей постели и стала гладить меня по спине, вопрошая: «Ты в порядке?» Какой бы сильной ни была боль, она прошла меньше чем за минуту. Но за это время я так невероятно вспотел, что рубашка вымокла насквозь, а во рту будто пустыня раскинулась. «...Теперь в норме. Прости, что заставил волноваться, – улыбнулся я Хаджикано. – Пойду воды попью». Я встал, но она обеспокоенно потянулась за мной. «Ты правда в порядке? Тебе не нужно в больницу?» «Не. Просто ногу защемило немного». После трёх стаканов воды, выпитых на кухне, я немного успокоился. Когда я вернулся в комнату, Хаджикано продолжила сидеть у моего футона и спрашивать: «Ты в порядке? Ещё больно?» Я сказал ей, что проблем правда больше не будет, но она не поверила. Только спустя тридцать минут она наконец вернулась в свою постель. «Спокойной ночи, Хинокка. До завтра». «Ага, спокойной ночи». Я отодвинулся от перегородки в своё прежнее положение и снова закрыл глаза. Несмотря на встряску в конце, у меня, в общем-то, был очень, очень счастливый день. Я думал, утопая в беспокойстве, как же мне хочется, чтобы завтра было похоже на сегодня, и послезавтра и послепослезавтра... Я бы всё своё везение на это истратил. В любом случае, моя жизнь прервётся через несколько дней. Я не мог просить о большем счастье. Если я смогу смеяться с Хаджикано хотя бы до конца летних каникул, мне этого хватит. Но этот мир дарит перемены тем, кто жаждет стабильности, и стабильность – тем, кто ждёт перемен. Это спокойствие скоро закончится – в тот самый день, когда Хаджикано в моё отсутствие услышит звук, которого слышать не должна была. Да – телефон, зазвонивший в темноте.

#### Примечания:

(1) Мидзуёкан – японская традиционная сладость, водянистая желеобразная пастила на основе бобов, агар-агара и сахара. (2) Вероятнее всего, имеется в виду песня, проигрываемая в 17:00 в некоторых городах Японии, чтобы ознаменовать конец учебного/рабочего дня. (3) Рамунэ – японский лимонад, внутрь крышки которого вкладывают стеклянный шарик.

<http://tl.rulate.ru/book/9410/241479>